

В объединенный диссертационный совет Д. 999.220.02,
созданный на базе ФГБОУ ВО «Пермский
государственный национальный исследовательский
университет, ФГБОУ ВО «Ульяновский
государственный университет».
432970, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 40/9, ауд. 301.

ОТЗЫВ

доктора юридических наук, профессора Ковтуна Николая Николаевича
на автореферат диссертации Ланшакова Дмитрия Сергеевича «Уголовное
преследование по делам о разглашении сведений о мерах безопасности,
применяемых в отношении участников судопроизводства» – Ульяновск,
2021. 32с., представленный на соискание ученой степени кандидата
юридических наук по специальности 12.00.09 – Уголовный процесс

Оценивая сущность и содержание автореферата, отражающего суть и
основные результаты диссертационного исследования Д.С. Ланшакова,
считаем возможным констатировать следующее:

Актуальность диссертационного исследования, по идее, в
достаточной мере обоснована автором, так как, с одной стороны, Д.С.
Ланшаков в целом верно указывает на значимость для оптимального
отправления правосудия по уголовным делам института обеспечения
безопасности, как официальных лиц, ведущих уголовный процесс, так и
иных участников процесса, привлекаемых к нуждам доказывания или для
целей защиты своего интереса. С другой стороны, справедливо и указание
автора как на недостаточную эффективность в целом практики применения
этого института, так и неотъемлемой его составляющей – института
привлечения к уголовной ответственности лиц, допустивших разглашение
сведений, как о самом факте, применяемых обеспечительных мер, так и о
субъектах к которым они применяются или непосредственных средствах
защиты. Методически точно подчеркивается автором и наличествующая
разбалансированность (несогласованность) нормативного регулирования

сути и содержания исследуемого института, которая в ряде случаев может служить обстоятельством, способствующим криминальному разглашению сведений о факте, субъектах и системе применяемых обеспечительных мер. Как следствие, в целом можно согласиться с актуальностью, как избранной темы, так и непосредственного предмета исследования.

Научная новизна результатов работы и самостоятельность автора в их формировании. Этот критерий представленного к защите исследования, прежде всего, объективируется себя посредством избранной методологии и методов исследования. Последние носят комплексный, междотраслевой характер, позволяя включить в предмет непосредственного научно-практического анализа не только нормы собственно уголовно-процессуального права, телеологически связанные с сутью и содержанием избранного предмета исследования, но и соответствующие нормативные положения материального права, а равно иных федеральных законов, наполняющих институт обеспечения безопасности участников процесса реальным правовым и практическим содержанием. Как следствие, большинство из предлагаемых автором предложений и дополнений в тот или иной нормативный правовой акт, в т. ч. выносимых к публичной защите, имеют под собой объективную основу. Они достаточно верно отражают потребности практики и в состоянии в той или иной мере оптимизировать или повысить эффективность института обеспечительных мер, применяемых к различным участникам уголовного процесса. В итоге, и в этом аспекте, полагаем, можно признать, что выполненное диссертационное исследование отвечает необходимым признакам научной новизны основных полученных результатов и самостоятельного вклада диссертанта в развитие российского уголовно-процессуального права.

Теоретическая и практическая значимость реализованного исследования заключается в том, что соискателем впервые комплексно и системно реализован всесторонний анализ института применения защитных обеспечительных мер к участникам процесса. При этом анализ осуществлен

во взаимосвязи и взаимообусловленности его функционирования и эффективности в контексте выявления факта разглашения, как самого акта применения обеспечительных мер, так и сведений о субъектах, к которым они применяются или непосредственно перечня обеспечительных мер. Как следствие, большинство из предложений и выводов автора имеют практическую направленность и необходимый теоретический потенциал.

Вместе с тем, вызывает вопросы **эмпирическая база исследования**. С одной стороны, автор указывает на то, что за последние пять лет в целом по Российской Федерации расследовано только одно уголовное дело по признакам ст. 311 УПК РФ (с. 3 автореферата). С другой, при изложении эмпирической части исследования автор ссылается уже на 57 изученных дел (с. 8 автореферата); правда, не о разглашении сведений об обеспечительных мерах, а дел, по которым применялись подобные защитные меры (что, как представляется, несколько не по предмету исследования). Кроме того, напомним, диссертанту, что выборка в 57 единиц, по идее, не отражает существенные черты генеральной совокупности (не позволяет судить о закономерностях исследуемого явления и точно верифицировать результаты). Отсюда, видимо, не случайно и то, что при определении непосредственного предмета исследования (с. 5) автор указывает лишь нормы и положения уголовно-процессуальной доктрины (без упоминания об эмпирической составляющей – как предмета исследования). В итоге, есть определенные сложности, как с проверкой достоверности основных положений работы, так и их достоверной эмпирической верификацией.

Непосредственно по тексту или структуре работы, логике изложения исследуемых проблем или итоговых авторских доводов у нас существенных замечаний нет. Автореферат выполнен грамотным языком, при отсутствии существенных внутренних противоречий. Содержание автореферата, по идее, в достаточной мере отражает суть и содержание реализованного исследования, и смысл полученных результатов. В итоге, как система сформированных положений, так и сформулированных (на их

основе) итоговых выводов позволяет нам сформулировать заключительный вывод о целом положительной оценке выполненной Д.С. Ланшаковым работы и о ее соответствии требованиям актуальности, научной новизны, теоретической и практической значимости.

Вместе с тем, как и всякое новое диссертационное исследование работа Д.С. Ланшакова вызывает ряд проблемных вопросов, которые мы считаем целесообразным поставить, как на разрешение диссертанта, так и на возможное обсуждение в рамках публичной дискуссии на защите.

1. На с. 11 и 22 автореферата автор выносит к защите тезис о том, что предварительное расследование преступлений по факту разглашения сведений о мерах безопасности применительно к признакам ст. 311 УК РФ: «...должно производиться только следователями Следственного комитета России, то есть не в форме дознания, как это в настоящее время установлено, а в форме предварительного расследования». В обоснование этого вывода автор утверждает, что подобное правило «уже имеется в принципах, ...перечисленных в ст. 447 УПК РФ».

Конвенционально не будем спорить о наличии или отсутствии указанных «принципов» в нормах ст. 447 УПК РФ, а просто укажем автору, что «...в форме предварительного расследования», как он предлагает, это и есть: либо в форме предварительного следствия, либо дознания. Во-вторых, напомним то, что предварительное следствие вовсе не является императивом для расследования в отношении указанной категории лиц, поскольку по нормам п. 7 ч. 3 ст. 151 УПК РФ, в отношении этой категории лиц вполне допустима и форма дознания, которая реализуется следователями Следственного комитета России. Автор, скорее всего, несколько упускает эти моменты.

2. На с. 12–13 и 24 автореферата автор предлагает к защите изменение формулировки пункта 4 ч. 2 ст. 146 УПК РФ, исключив из нее формулировку множественности и оставив следующую (оптимальную) форму: «пункт, часть, статья Уголовного кодекса Российской Федерации».

Целесообразность данной новации обосновывается утверждением соискателя о том, что при квалификации (при возбуждении уголовного дела!): «...пункт может быть только, так же как и часть, статья УК РФ, в единственном числе», и, напротив, понимание множественности вносит в правоприменительный процесс грамматические и иные противоречия.

Возможно это и так, но нам, к примеру, приходилось участвовать в производстве по уголовному делу (преступлению), которое было квалифицировано и рассмотрено в суде одновременно по пункту «з» и «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ (в отношении одного и того же подсудимого). Скорее всего, мы допустили серьезную ошибку, и нам следовало настаивать перед судом об исключении одного из указанных пунктов, ибо, как следует (из выше указанного), пункт, часть, статья могут быть только в единственном числе.

3. На с. 19 автореферата, автор утверждает, что в ч. 3 ст. 11 УПК РФ необоснованно расширен перечень субъектов (прокурор, руководитель следственного органа, орган дознания, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания), обладающих правомочием выносить постановление о применении мер безопасности; как следствие, это несет потенциальную угрозу в разглашении сведений о безопасности. Считая указанное недопустимым, автор утверждает, что этот перечень необходимо ограничить до минимально возможного процессуального уровня. В силу чего правом вынесения указанного постановления должны обладать исключительно следователь, дознаватель, суд (не более).

Предложение, безусловно, интересно, но из содержания автореферата невозможно понять: как указанное соотносится с процессуальным статусом, назначением и функциями тех («исключаемых») процессуальных руководителей и органов надзора, которые непосредственно реализуют функции процессуального руководства, ведомственного контроля (и т. п.) за действиями и решениями всех должностных лиц, вверенного им органа. В состоянии ли они будут выполнять эти процессуальные функции, согласовывать и утверждать основные процессуальные решения следователя,

дознателя, не имея доступа к изучению всего производства по делу. Аналогично не ясно и то, как прокурор, оставаясь в полном «неведении» относительно указанной категории лиц, будет реализовывать функцию государственного обвинения, обеспечивать вызов свидетелей стороны обвинения, ходатайствовать об отмене или продлении мер безопасности по делу, которое у него уже в производстве (ст. 221–222 УПК РФ).

4. С учетом достаточно определенного понятия правосудия (как конституционной формы деятельности суда), его строго определенных субъектов, сути и назначения в государстве и обществе, несколько неоправданными видятся и теоретические «новации» автора, по сути, которых «выясняется», что это направление деятельности осуществляется не только судьями единой судебной системы, но:

«...и иными лицами, осуществляющими правосудие» (с. 3 автореферата); или

«...судебными исполнителями и иными лицами, участвующими в отправлении правосудия» (22–23 автореферата).

Что это за «...иные», неведомые, лица, участвующие наряду с судебными исполнителями в отправлении правосудия, следует, видимо, обсудить на защите.

5. Несколько необоснованным видится нам и предложение автора об изменении категорий преступлений, при расследовании которых возможно осуществление следственного действия, предусмотренного ст. 186 или 186.1 УПК РФ (с. 12 автореферата). Учитывая характер ограничиваемых при этом конституционных ценностей, характер, цели и временные рамки применения указанных следственных (познавательных) действий для целей уголовного судопроизводства, предлагаемое распространение их действия на расследование преступлений по ст. 311 УК РФ, не вызывается ни характером и общественной опасностью этих действий, ни непосредственными задачами предварительного расследования.

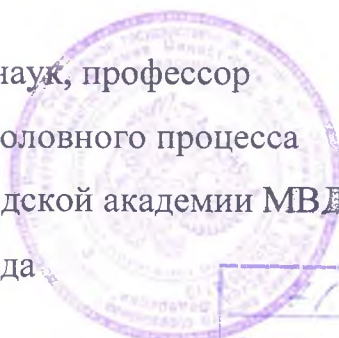
6. Не надо, на наш взгляд, уделять особое внимание и ч. 3 ст. 8.1 УПК РФ, как акцентирует соискатель. В этой норме (по букве закона) регламентируются вопросы, связанные с сутью и правовыми следствиями внепроцессуальных **обращений** в суд со стороны тех или иных заинтересованных лиц, но никак не «...внепроцессуальных **отношений**», о которых намекает автор (на с. 20 автореферата), и которые, вероятно, как-то связаны с потенциальным разглашением сведений о мерах безопасности.

Высказанные замечания являются дискуссионными, оставляющими возможность для научной дискуссии; как следствие, они не снижают ни в целом положительной оценки работы, которая ранее была отмечена нами, ни значимости основных авторских выводов. Вышеизложенное дает основание сформулировать вывод о том, что представленное на соискание ученой степени кандидата юридических наук диссертационное исследование Ланшакова Дмитрия Сергеевича на тему: «Уголовное преследование по делам о разглашении сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении участников судопроизводства» по своей актуальности, новизне основных положений, самостоятельности, теоретической и практической значимости разработанных автором положений, является научно-квалификационной работой, которая соответствует требованиям ч. 2 пп. 9–11 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 (в редакции Постановления Правительства РФ от 01 октября 2018 г. № 1168 с изменениями от 26.05.2020 г.), а ее автор Ланшаков Дмитрий Сергеевич заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.09 – Уголовный процесс.

Доктор юридических наук, профессор
профессор кафедры уголовного процесса
ФГКОУ ВО Нижегородской академии МВД РФ

Н.Н. Ковтун

«15» февраля 2021 года

Н.Н. Ковтун
[Official rectangular stamp of the Faculty of Law, Department of Criminal Process, with handwritten signature and name]

Сведения об авторе отзыва:

Ковтун Николай Николаевич

доктор юридических наук по специальности 12.00.09 – Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность.
Ученое звание: профессор.

Место работы: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации».

Занимаемая должность: профессор кафедры уголовного процесса Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Адрес места работы: 603950, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.
БОКС – 268

Телефон: (831) 421-72-01

e-mail: na@mvd.ru

сайт: www.na.mvd.ru